

И.П. Золотусский

Невольник чести

С Александром Трифоновичем Твардовским я не был знаком. Видел его дважды: один раз, когда учился в Казанском университете (начало 50-х) — он, только что посетив мемориальную аудиторию Ленина, в окружении сопровождавших его лиц стоял в холле первого этажа. Второй — 13 февраля 1970 года, когда Твардовский, уже снятый с поста главного редактора «Нового мира», покидал редакцию.

Случилось так, что я, пришедший туда по делам, и он, уносящий какие-то папки из покинутого им кабинета, вместе вышли на улицу. Вот что я записал тогда в дневнике: «Он — высокий, сильный еще, хотя и грузный, в разъехавшейся шапке, широком пальто с воротником из черного каракуля, загорелый, глаза синие».

Жить ему оставалось полтора года. Рак скопил его, как вгрызшаяся в ствол пила срезает предназначенное для долгой жизни дерево.

Что бы ни говорили и ни писали о Твардовском, но то, что он сделал за двенадцать (1958–1970) лет своего пребывания во главе «Нового мира», быть может, перевешивает всю его остальную жизнь. Ибо эти двенадцать лет были восхождением к подвигу.

Он дважды вступал в должность главного редактора, и дважды власть изгоняла его. В конце 1953 года он напечатал статью В. Померанцева «Об искренности в литературе», но искренность в те годы считалась крамолой. Второе изгнание было уже не изгнание. А убийство. Одиннадцать писателей, иные из которых до сих пор здравствуют, напечатали в «Огоньке» письмо, где потребовали от правительства покончить с Твардовским.

«В провокационной тактике “наведения мостов”, сближения или, говоря модным словом, “интеграции идеологии” они, — писали его авторы о сотрудниках редакции, — словно бы не хотят видеть диверсионного смысла».

Призыв к расправе был услышан.

После этого ни Твардовский, ни журнал уже не могли оправиться. Вскоре один за другим умерли (и от одной и той же болезни — рака) сам Твардовский, заведующий отделом прозы Ефим Дорош, заведующий отделом публицистики Александр Марьямов, заместитель главного редактора Алексей Кондратович. На кладбище снесли полредакции, в погост превратился и новый «Новый мир».

Вот запись из моего дневника от 11 февраля 1970 года:

«Исторические дни. Падение “Нового мира”. Сегодня был там. Эвакуация. Вывозят и рвут бумаги. Лихорадка... кривые улыбки, растерянность. Кто-то еще пытается что-то предпринять, куда-то звонить, но ясно, что это конец. Конец целого периода. В последнее время они дышали на ладан, но все же дышали. И мы, как через трубку, дышали через них. Последняя иллюзия общего истреблена».

Видел я в тот день и Солженицына. Он был оживлен. Даже весел. Для него ничего не кончилось, для людей, окруживших его в коридоре, заплаканных, потерянных, кончилось все.

Авторы приходили и уходили. Они уносили свои рукописи, уже одобренные редакцией. Это была акция солидарности, акция верности Твардовскому. Не хотели печататься у тех, кого уже назначили на его место. Твардовский страшно переживал, когда узнавал, что кто-то все же колеблется и готов печататься уже не в его журнале. Василь Быков рассказывал мне, как он позвонил Александру Трифоновичу и спросил, как ему быть с лежащей в «Новом мире» повестью «Сотников». Взбешенный Твардовский ответил: «Ах вы не знаете, как вам быть?» — и бросил трубку.

Для него один этот вопрос уже означал измену.

Солженицын в книге «Бодался теленок с дубом» пишет, что Твардовский был все же советский поэт и советский человек. А кто из людей того поколения не был им? Твардовского стали ломать с детства, когда вся его семья отправилась в ссылку в Сибирь. Из записок его брата Ивана мы узнали, что дальше стало с ним. Твардовский уже работал в Смоленске в газете, напечатал поэму «Путь к социализму». Его карьера складывалась удачно. И вот однажды ему позвонили с вахты и сказали, что внизу его ждет какой-то человек.

Этим человеком, тайно покинувшим место ссылки, оказался его отец. И сын сказал отцу: уходи.

Видеть превращенную в пепелище деревню, уничтоженное крестьянство — и писать поэмы о коллективизации, о социализме, получать Сталинские премии, быть депутатом Верховного Совета, кандидатом в члены ЦК — как все это совместить? Как совместить эту ложь с честной поэмой о русском солдате (я имею в виду «Василия Теркина»), которой восхищался Бунин?

Это судьба наших отцов и старших братьев. Не будем судить их. Постараемся понять их муки.

При Хрущеве Твардовский пишет поэму «Теркин на том свете», где советская жизнь изображена как преисподняя. Именно туда попадает после своей смерти его герой. Он устраивает ревизию «чертовому племени», то есть советским бюрократам, и жестоко осмеивает их. Только вмешательство Хрущева помогло этой сатире явиться в свет.

Финал жизни Твардовского — финал героический, хотя звания Героя ему не дали из-за того, что в год своего шестидесятилетия (к нему и должны были приурочить Звезду) поехал в Калугу навестить содержавшегося в психиатрической больнице Жореса Медведева. Когда его стали отговаривать от этой поездки, ссылаясь на то, что указ о звании Героя уже подписан, он сказал: «Если не я, то кто же? Если не сейчас, то когда же?»

Про Сталина он писал хвалебные стихи, а его наследников не жаловал. В конце шестидесятых он уже знал, что живет не в той стране, которую воспевал. Ибо никакой советской власти (от слова «советоваться») не было и в помине.

Один поклонник Твардовского уверял меня, что автор «Теркина» не столько поэт, сколько деятель. К тому же, добавлял он, у того нет любовной лирики. Действительно, любовной лирики у Твардовского нет. Даже глава из «Василия Теркина», которая так и называется «О любви», слишком обща, чтобы в ней можно было разглядеть какое-либо личное чувство. Что причиной тому? Советская зажатость?

Но в последних стихах Твардовский иной: печально-открытый, исповедально-близкий.

Перевозчик-водогребщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону,
На ту сторону, домой.

Всю жизнь он писал большие поэмы. Он был поэт эпический. Прятавший в эпосе то, что едва-едва приоткрывалось в его лирике. Но стихи о перевозчике-водогребщике — великие стихи. Это лирика, поднимающаяся на высоту эпоса. На высоту, взятую на пороге смерти.

Твардовский пал как невольник чести. И так же, как и Пушкин в известном стихотворении Лермонтова, «оклеветанный молвой». Его оклеветали те, кто «толпился у трона» и чьи имена давно канули в Лету.

Мы же, жившие с ним в одно время, будем до конца дней помнить о нем. За нами придут другие. И их память, надеюсь, благодарно откликнется на его имя.